

А. В. Дмитриев

ГАРНИЗОННЫЕ ПОЛКИ СИБИРСКОЙ ДИВИЗИИ
НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX В.

doi: 10.30759/1728-9718-2024-3(84)-171-179

УДК 94(47) "17/18" ББК 63.3(2)513

Статья посвящена вопросу о месте и роли гарнизонных войск русской армии в процессе проведения военных реформ императора Павла I. Анализ данных по кадровому составу офицерского корпуса гарнизонных подразделений Сибирской дивизии выявил основные составляющие павловских армейских преобразований, направленных на превращение гарнизонных войск в полноценные боевые соединения. Резкое омоложение офицерского состава и пополнение сибирских гарнизонных полков лицами, переведенными сюда на службу из Европейской России, должны были уравнивать положение частей Сибирской дивизии с другими подразделениями русской армии на рубеже XVIII–XIX столетий. Среди гарнизонных офицеров доминировали потомственные военные, причем многие из них получали производство в обер-офицерские чины как раз в годы правления Павла I, невзирая на формально действовавший запрет такого повышения для лиц недворянского происхождения. Российские дворяне были представлены почти исключительно молодыми новобранцами, офицеров же этнически нерусского происхождения в этих частях практически не осталось. Сделан вывод о том, что верховная власть вообще не учитывала специфику положения гарнизонных войск в Сибири на протяжении XVIII в., а каких-либо существенных результатов преобразования Павла I фактически не принесли, поскольку были отменены его преемником Александром I сразу после прихода к власти.

Ключевые слова: *Павел I, русская армия, гарнизонные полки, офицерский корпус, Сибирь, конец XVIII века*

Конец XVIII и начало XIX столетий были отмечены значительными по своим масштабам трансформациями организационной структуры и кадрового состава регулярной армии Российской империи. При этом различные аспекты этих трансформаций и отдельные хронологические промежутки в процессе их осуществления изучены весьма неравномерно. Если преобразования русской армии в первое десятилетие XIX в., особенно при подготовке к столкновению с наполеоновской Францией в 1812 г., давно привлекали внимание исследователей, то нельзя сказать того же о военных реформах императора Павла I (1796–1801 гг.). Традиционно сложившееся представление о павловских преобразованиях в военной сфере как механическом подражании европейским (особенно прусским) образцам сейчас уже вряд ли актуально.¹ Однако для сколь угодно адекватной оценки реформаторской

деятельности императора безусловно необходимы представляются исследования конкретных примеров ее влияния на положение ряда структурных единиц русской армии (дивизий/инспекций) и составлявших их воинских частей, дислоцированных в разных регионах по всей территории страны. А именно подобного рода исследования, к сожалению, до сих пор фактически отсутствуют.²

Особую сложность представляет вопрос об эволюции гарнизонных войск регулярной армии империи на рубеже двух столетий. Возникнув в петровскую эпоху как механизм для непрерывной подготовки резервов на нужды полевых частей, гарнизонные войска одновременно сделались и инструментом в руках верховной власти для поддержания существующего государственного порядка и контроля за жизнью населения практически на всей территории Российской империи. К концу XVIII столетия, после екатерининских административных реформ, гарнизонные подразделения регулярной армии в определенной мере утратили свое значение в качестве полицейской силы, поскольку функция охраны порядка

¹ См.: Ковалев К. С. Военные реформы Павла I в оценках историков и мемуаристов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2016. № 3. С. 85, 86.

² В качестве исключения можно назвать лишь монографию Е. И. Юркевича, посвященную гвардейским частям столичного гарнизона, см.: Юркевич Е. И. Военный Петербург эпохи Павла I. М., 2007.

в городах была передана в руки созданных после введения в действие «Устава благочиния» 1782 г. специальных органов, не связанных с военной сферой. Тем не менее гарнизонные части продолжали свое существование на протяжении еще почти 30 следующих лет, до 1811 г. Каковы же были их место и роль в структуре регулярной армии в этот период, и чем руководствовалась верховная власть при проведении тех или иных преобразований именно в отношении этих войск?

В поисках ответов на эти вопросы мы обратились к изучению положения гарнизонных полков Сибирской дивизии на рубеже XVIII–XIX вв., в годы военных реформ Павла I. Как уже было сказано выше, павловские армейские преобразования вообще мало рассмотрены в историографии, а гарнизонным войскам в последние годы XVIII столетия исследователи вообще фактически не уделяли никакого внимания. В классической монографии Л. Г. Бескровного об изменениях, произведенных в отношении гарнизонных частей Павлом I, ничего не сказано в принципе,³ а в одной из работ современных исследователей лишь упомянуто, что «к сентябрю 1797 г. все батальоны были переформированы в гарнизонные полки, названные по фамилиям шефов, и распределены по инспекциям».⁴ И это при том, что еще в многотомном труде А. В. Висковатова в XIX в. были по крайней мере сведены воедино имеющиеся данные о мерах, проведенных для переформирования подразделений гарнизонных войск за годы павловского царствования.⁵

Из этой сводки данных можно заключить, что в начале своего правления император намеревался превратить гарнизонные подразделения в полноценные воинские части: именно этим объясняется переформирование батальонов, в том числе и дислоцированных на территории Сибири, в полки. Однако именной указ от 9 января 1797 г. предписывал эти батальоны лишь «именовать гарнизонными полками, по званиям их командиров», не меняя численности их личного состава.⁶ В результате находившиеся в составе Сибирского корпуса в 1796 г. 12 гарнизонных пехотных батальонов оказались весьма

неравномерно распределены по новым 8 гарнизонным полкам: Тобольский полк оказался составленным из трех батальонов, Омский и Селенгинский — из двух, а еще пять (Бийский, Иркутский, Петропавловский, Семипалатинский и Томский) просто сменили свой статус на бумаге, фактически оставшись лишь батальонами, теперь именуемыми полками.⁷ Эту структуру гарнизонные полки Сибирской дивизии сохраняли вплоть до весны 1800 г., когда император предписал укрупнить гарнизонные части путем объединения одно- и двухбатальонных подразделений в полноценные полки четырехбатальонного состава.⁸ Однако уже в 1801 г. новый император Александр I, по сути, отменил преобразования своего отца, вернувшись к прежнему количеству полков (т. е. в Сибири их снова стало 8), названных «по местам расположения».⁹

Исходя из этого, в настоящей статье мы покажем состояние и потенциал гарнизонных частей на территории Сибири в годы павловского царствования с точки зрения соответствия их кадрового состава задачам, поставленным при осуществлении описанных выше преобразований. Для этого нами были привлечены и проанализированы данные по личному составу офицерского корпуса 6 из 8 гарнизонных полков Сибирской дивизии за вторую половину 1799 г., то есть как раз накануне временного укрупнения гарнизонных подразделений весной 1800 г. Конкретно речь идет о лицах в чинах штаб- и обер-офицеров (от полковника до прапорщика) в составе следующих гарнизонных полков, именованных по шефам: Бийского генерал-майора Богданова 3-го, Петропавловского полковника Путилова, Селенгинского генерал-майора фон Бушена, Семипалатинского генерал-майора князя Уракова 2-го, Тобольского генерал-лейтенанта князя Мещерского 1-го и Томского генерал-майора Панова. Из этих полков четыре оставались однобатальонными, а Селенгинский и Тобольский (последний — вопреки штатному расписанию 1797 г.) были двухбатальонными. Использованные нами списки личного состава находятся в фонде 489

³ См.: Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII в. (Очерки). М., 1958. С. 326, 327.

⁴ Леонов О. Г., Ульянов И. Э. Русская пехота, 1698–1801: Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М., 1995. С. 196.

⁵ См.: Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб., 1900. Ч. 7. С. 35–44.

⁶ См.: ПСЗ-I. СПб., 1830. Т. 24. № 17720. С. 270.

⁷ См.: Висковатов А. В. Указ. соч. С. 36, 37, 40; Андриевич В. К. Сибирь в XIX столетии. СПб., 1889. Ч. 1. С. 75.

⁸ См.: Висковатов А. В. Указ. соч. С. 42–44; Леонов О. Г., Ульянов И. Э. Указ. соч. С. 196. Заметим, что Л. Г. Бескровный почему-то ошибочно продолжал называть гарнизонные части даже в начале XIX в. батальонами, а не полками, см.: Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX в. Военно-экономический потенциал России. М., 1973. С. 28.

⁹ Ульянов И. Э. Регулярная пехота: 1801–1855. М., 1996. С. 18; Попов С. А. Армейская и гарнизонная пехота Александра Первого. Полковые униформы. М., 2010. С. 159.

(«Формулярные списки и другие материалы о службе личного состава русской армии») Российского государственного военно-исторического архива (далее — РГВИА).

Всего нами были изучены данные о 213 офицерах, среди них 25 штаб-офицеров (в чинах полковников, подполковников и майоров) и 188 обер-офицеров (капитаны, штабс-капитаны, поручики, подпоручики, прапорщики).¹⁰ Не включены в эту цифру шефы полков, даже в том случае, когда шеф оказывался одновременно и полковым командиром. Единственным пробелом является то обстоятельство, что в списке Семипалатинского полка отсутствовали офицеры в чинах капитанов и штабс-капитанов, но общей картины это не меняет. При этом в некоторых полках сохранялись незанятые вакансии, поэтому общее число штаб- и обер-офицеров колебалось по разным частям. В Бийском полку насчитывалось 26 офицеров (правда, в конце списка указывалось, что еще семеро выпускников Сухопутного шляхетского кадетского корпуса не прибыли к месту службы, следовательно, данные по ним отсутствуют); в Петропавловском — 28 (при этом недоставало подполковника, а полковник являлся одновременно и шефом); в Селенгинском — 56 (здесь отсутствовали двое пока не прибывших офицеров); в Семипалатинском — 19 (с учетом отмеченного выше пробела, также были вакантными чины полковника и подполковника); в Тобольском — 55 и в Томском — 29 офицеров.

Влияние армейских преобразований, начатых императором Павлом I, отчетливо прослеживается уже при анализе возрастных характеристик гарнизонных офицеров в Сибири. По нашим подсчетам, наибольшей в относительном выражении оказалась доля лиц в возрасте до 20 лет включительно — совсем юные подпоручики и прапорщики, для которых назначение в гарнизонные части Сибирской дивизии становилось первым этапом действительной военной службы. Таковых по всем шести полкам насчитывалось 57 чел. (почти 27%), они даже превосходили по численности офицеров в возрасте от 41 до 50 лет (52 чел., 24%) и от 31 до 40 лет (48 чел., 22%), превалировавших в гарнизонных войсках Сибирского корпуса на протяжении большей части XVIII столетия. Еще 42 чел. принадлежали к возрастной группе от 21 года до 30 лет (20%), и совсем немно-

гие уже перешагнули полувековой рубеж — лиц в возрасте от 51 года и более насчитывалось всего 14 чел., половина из них к тому времени дослужились до штаб-офицерских рангов. Чем объясняется такой приток молодых кадров? Очевидно, целенаправленной политикой Павла I по «наведению порядка» в армейских рядах, когда император прекратил практику фиктивной службы в гвардии или даже в полевых частях, пользуясь которой многие офицеры к концу екатерининской эпохи годами не появлялись в расположении войск, тем не менее числясь на действительной службе.

В одном только Селенгинском полку мы обнаруживаем почти два десятка совсем молодых офицеров, буквально в последние месяцы текущего 1799 г. отправившихся из Петербурга в далекую Сибирь. В ряде случаев они оказывались даже родными братьями. Так, среди подпоручиков мы находим 19-летнего Алексея Дмитриевича и 18-летнего Василия Дмитриевича Чихачевых: оба они были ранее подпрапорщиками лейб-гвардии Преображенского полка, а в середине августа 1799 г. были переведены в Сибирскую дивизию.¹¹ Аналогичным образом попали сюда 17-летний Петр Яковлевич и 16-летний Александр Яковлевич Платоновы, перед этим с июля по октябрь 1799 г. состоявшие унтер-офицерами в лейб-гвардии Семеновском полку.¹² Более того, 8 из 9 лиц в чине прапорщика были показаны воспитанниками Военно-сиротского дома, преобразованного из Гатчинского сиротского дома цесаревича Павла Петровича,¹³ им было тогда всего по 15–16 лет. Пятеро из них были дворянами (Ермил Максимов, Василий Евреинов 1-й, Лев Гринев, Петр Блинов, Павел Евреинов 2-й), еще трое — из обер-офицерских детей (Платон Бессонов, Козьма Ростунов, Василий Загряжский).¹⁴ По мнению дореволюционных военных историков, таких людей вряд ли можно было считать способными сразу нести полноценную службу: «Очевидно, им бы следовало пробыть еще несколько лет в заведении, и выпуск их можно объяснить только особыми обстоятельствами — желанием избавить Военно-Сиротский Дом от более возрастных воспитанников и оставить в нем одних малолетних,

¹¹ См.: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 5895. Л. 60об., 61.

¹² См.: Там же. Л. 61об.–63.

¹³ См. об этом: Анучин Д. Г., Петров А. Н., Лохвицкий М. А. Исторический очерк Павловского военного училища, Павловского кадетского корпуса и императорского Военно-сиротского дома. 1798–1898 гг. СПб., 1898. С. 34–55.

¹⁴ См.: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 5895. Л. 64об., 65.

¹⁰ Здесь и далее все подсчеты сделаны нами по материалам следующих дел: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 5162, 5795, 5895, 5909, 6037, 6049.

не свыше 14-ти лет».¹⁵ Почти столь же большую группу 16–17-летних прапорщиков мы видим и в составе Тобольского полка (15 чел.), но это были выпускники Сухопутного кадетского корпуса.¹⁶ В остальных четырех полках таких юных обер-офицеров насчитывалось только от трех до шести человек.

Из 14 «ветеранов», которым уже перевалило за 50 лет, пятеро состояли в рядах одного Бийского полка: подполковник Иван Самарин, майоры Иван (Иоганн) Гренинг и Александр Образцов, капитаны Мосей Пудовиков и Иван Маршицкий. Трое были, по-видимому, сибирскими уроженцами, пруссак Гренинг поступил на службу в русскую армию «из вольноопределяющихся» в 1759 г. (в разгар Семилетней войны, что выглядит весьма удивительным и наводит на подозрение, не был ли он военнопленным), а Маршицкий показывал себя польским шляхтичем, в 1769 г. начавшим службу в Бахмутском гусарском полку и отправившимся в Сибирь в 1770 г.¹⁷ Вероятно, он также оказался военнопленным из числа сторонников Барской конфедерации, судя по дате его появления в России. В других полках столь заслуженные офицеры встречались редко: трое в Селенгинском, по двое в Петропавловском и Томском и только по одному в Семипалатинском и Тобольском.

А вот если обратиться к данным о служебном стаже, то картина вырисовывается крайне своеобразная. Выясняется, в частности, что хотя у 61 чел. срок пребывания на военной службе составлял лишь до 5 лет включительно (и это почти совпадает с цифрой 57 чел. в возрасте до 21 года), но зато тех, у кого стаж превышал два десятка лет, оказывается 88 чел. Это значит, что в их число входили не только 45–50-летние офицеры, но и почти половина 35–40-летних, с учетом того что от 11 до 20 лет находились на службе 39 чел., от 6 до 10 лет — 25 чел. Подобная статистика наглядно иллюстрирует широко распространившуюся в екатерининскую эпоху практику фиктивного зачисления на военную службу в детском возрасте, последствия которой не удалось преодолеть даже императору Павлу I своей политикой «закручивания гаек».

Зато совершенно новым явлением в сравнении с предшествующими десятилетиями оказывается сильно возросшая доля офицеров, до перевода в сибирские гарнизонные части со-

стоявших в полках лейб-гвардии. По данным полковых списков, таких людей насчитывалось 49 чел., или 23 %. Цифра выглядит чрезвычайно большой на фоне того, что в екатерининские годы бывшие гвардейцы встречались почти исключительно в полевых частях Сибирского корпуса, а в гарнизонных батальонах их были считанные единицы.¹⁸ Это, безусловно, явилось как раз результатом целенаправленной «чистки рядов», предпринятой императором Павлом в отношении гвардейских частей. Конечно, рассказ о якобы изгнании в Сибирь целого полка конной гвардии, как справедливо утверждает Е. И. Юркевич, является всего лишь историческим анекдотом,¹⁹ но факт остается фактом: именно в годы павловского царствования гвардейских унтер-офицеров стали в массовом порядке переводить в полевые и гарнизонные армейские части с присвоением им обер-офицерских чинов. Наибольшее число бывших гвардейцев мы встречаем в том же Селенгинском полку, где их насчитывалось 24 чел., при этом среди поручиков и подпоручиков они вообще составляли абсолютное большинство.

Так, 10 из 12 поручиков Селенгинского полка были ранее унтер-офицерами лейб-гвардии Преображенского полка, в один и тот же день (26 мая 1799 г.) переведенными сюда с присвоением чина прапорщика, в августе сделавшими подпоручиками, а в ноябре — поручиками. При этом среди них были не только 17–18-летние «недоросли», но и те, кто уже в течение нескольких лет действительно несли настоящую службу в Преображенском полку либо были зачислены в гвардию совсем недавно, но находясь в возрасте 20 лет и старше. Дворянин Иван Тараборовский был зачислен в гвардию подпрапорщиком еще в 1787 г., когда ему исполнилось только 14 лет, и прослужил в рядах преображенцев до 1799 г. А выходец из смоленских дворян Матвей Стайновский и вовсе поступил в гвардию в 1781 г. в 19-летнем возрасте.²⁰ Аналогичную партию мы обнаруживаем среди подпоручиков: 9 чел. получили перевод в прапорщики Селенгинского полка весной 1799 г. (с производством в подпоручики уже осенью) из унтер-офицеров лейб-гвардии Семеновского полка. Один из них вообще мог считаться на фоне товарищей заслуженным ветераном:

¹⁸ См.: Дмитриев А. В. Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796): особенности военной службы на «восточной окраине» Российской империи в XVIII столетии. М.; СПб., 2017. С. 295.

¹⁹ См.: Юркевич Е. И. Указ. соч. С. 139.

²⁰ См.: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 5895. Л. 560б., 57, 580б., 59.

¹⁵ Анучин Д. Г., Петров А. Н., Лохвицкий М. А. Указ. соч. С. 87.

¹⁶ См.: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 6037. Л. 380б.–41.

¹⁷ См.: Там же. Д. 5162. Л. 370б.–43.

39-летний саратовский дворянин Иван Шиловский до попадания в Сибирь прослужил в гвардии полтора десятка лет и даже принимал участие в морских сражениях на Балтике в 1789 г. во время русско-шведской войны, находясь на судах гребного флота, где получил ранение в плечо.²¹ Однако преобладали среди них все же молодые офицеры, не имевшие сколько-нибудь значительного служебного стажа.

С учетом приведенных выше данных вполне логичным выглядит и отсутствие у большинства офицеров гарнизонных частей Сибирской дивизии какого бы то ни было боевого опыта. Участие в походах и «делах против неприятеля» зафиксировано в послужных списках лишь у 37 чел. (т. е. чуть более 17 % от общего числа), при этом девять из 37 были штаб-офицерами. Несколько менее половины из этих людей (15 чел.) состояли в одном Тобольском полку, остальные были разбросаны группами не более нескольких человек по всем остальным полкам. Правда, опыт участия в боевых действиях часть из них получили, естественно, не на территории Сибири. Так, командир Тобольского полка подполковник Александр Скрубский почти 20 лет прослужил в рядах Томского полевого пехотного полка на Кавказе: этот полк сначала был задействован в сражениях русско-турецкой войны 1768–1774 гг., а потом периодически выдерживал стычки с горцами (кабардинцами, чеченцами). В 1785 г. Скрубский участвовал в подавлении восстания шейха Мансура: «При нападении бунтующих разных орд татар под предводительством лжепророка Мансура на город Кизляр при поражении оных в действительном сражении находился».²² Под стать ему были и некоторые из подчиненных.

Майор Матвей Казин, находясь в рядах Невского полевого пехотного полка, «за оказанные против неприятеля храбрости» в годы русско-шведской войны 1788–1790 гг. был пожалован в предыдущий чин капитана именным указом императрицы Екатерины II. А в 1799 г. он уже был кавалером ордена св. Анны 3-й степени.²³ Штабс-капитан Иван Базилевич, которому исполнилось всего 28 лет, успел принять участие в двух военных кампаниях, пока служил в Александрийском конном полку: в период русско-турецкой войны 1787–1791 гг. был под Очаковым и под Бендерами, а в 1794 г. под командованием А. В. Суворова сражался с польскими

повстанцами и штурмовал Варшаву. За это его пожаловали в унтер-офицеры лейб-гвардии Измайловского полка в начале 1796 г., но уже в декабре 1797 г. по указу императора Павла он был произведен в армейские прапорщики и отправлен в Сибирь на новое место службы.²⁴ Однако таких людей все же насчитывалось немного. У некоторых к боевому крещению можно отнести участие в подавлении восстания Е. Пугачева четвертью столетия ранее. О подполковнике и командире Селенгинского полка Егоре Сапожникове говорилось, что он «под командою полковника и кавалера Михельсона во время внутренняго замешательства при истреблении злодеев... во всех сражениях и по самое последнее истребление под Черным Яром находился».²⁵ Впрочем, для гарнизонных войск Российской империи, тем более на территории Сибири, наличие боевого опыта вряд ли могло считаться определяющим фактором при оценке военного потенциала.

Своеобразной оказывается картина социального происхождения гарнизонных офицеров в Сибири. Если в полевых полках Сибирской дивизии за время павловского царствования среди офицеров относительное преобладание имели дворяне,²⁶ то в гарнизонных частях последние фактически вдвое уступали по численности потомственным военным служащим (66 чел., или 31 %, против 124 чел., или 58 %, соответственно). Вместе они составляли подавляющее большинство: выходцев из прочих групп населения (церковнослужителей, крестьян, дворовых) насчитывалось всего 14 чел. (7 %), а еще 9 чел. (4 %) были лицами нерусского происхождения. Вспоминая расхожее мнение о том, что император Павел I постарался если не закрыть, то максимально затруднить доступ к офицерским чинам людям «неблагородного» происхождения, в данном случае мы сразу обнаруживаем его ошибочность применительно к гарнизонным войскам Сибирской дивизии. Более того, при внимательном изучении биографий офицеров, уже во втором поколении связанных с военной службой, обнаруживается любопытный эффект: из этих 124 чел. почти половина (59 чел.) показывали себя сыновьями даже не штаб- или обер-офицеров, а лишь

²¹ См.: Там же. Л. 60 об., 61.

²² Там же. Д. 6037. Л. 240б., 25.

²³ См.: Там же. Л. 260б., 27.

²⁴ См.: Там же. Л. 310б., 32.

²⁵ Там же. Д. 5895. Л. 450б., 46.

²⁶ См.: Дмитриев А. В. Кадровый состав офицерского корпуса полевых полков Сибирской дивизии в конце XVIII в.: влияние военных реформ Павла I на положение частей русской армии в Сибири // Уральский исторический вестник. 2023. № 1 (78). С. 160.

рядовых солдат. Потомственные военные превалярировали даже среди штаб-офицеров гарнизонных полков, из 25 чел. 14 (т. е. 56 %) принадлежали с самого рождения к армейской среде.

Присмотримся подробнее к этим солдатским детям как к наиболее наглядно иллюстрирующим роль военной службы в качестве социального лифта в Российской империи к концу XVIII столетия. Подполковник Бийского полка 51-летний Иван Самарин, сибирский уроженец, начавший карьеру в 1764 г. с 16-летнего возраста, до конца екатерининской эпохи дослужился до капитанского чина. Но уже в ноябре 1796 г., сразу после прихода к власти Павла I, он сделался майором, а через два года, в декабре 1798 г., был произведен в подполковники.²⁷ Как видим, его главные достижения пришлись как раз на годы павловского царствования. Его ровесник, майор Петропавловского полка Семен Кузовлев, выходец из Воронежа, вообще продемонстрировал фантастический взлет по служебной лестнице именно при Павле: к началу 1797 г. он был только прапорщиком, в конце декабря того же года стал подпоручиком, за 1798 г. был дважды произведен в поручики и штабс-капитаны, а за 1799 г. сделался капитаном и майором. Точно таким же образом сложился карьерный путь его сослуживца-сибиряка, 44-летнего майора Данилы Михайлова.²⁸ А 40-летнему майору Тобольского полка Федору Ковригину, вероятно, помогла служба в лейб-гвардии: с 1780 по 1795 гг. он состоял кавалергардом, после чего был «выпущен» в гарнизонные части Сибири с чином армейского капитана. Но в майоры его произвел уже в 1798 г. император Павел.²⁹ Список можно продолжать и далее, однако уже этих примеров, вероятно, достаточно для того, чтобы показать, что никакой дискриминации по отношению к людям столь «низкого» происхождения в армейской среде не наблюдалось.

Кроме того, продолжалось производство солдатских детей в обер-офицерские чины. И это несмотря на появившийся 17 апреля 1798 г. высочайший приказ, отданный при пароле, который гласил: «Многие Шефы полков представляют унтер-офицеров к производству на вакансии в Прапорщики не из дворян; чрез что и подтверждается всем Шефам, чтобы отнюдь таковых представлений не делать не только в Обер-Офицеры, но даже в портупей-

прапорщики и в подпрапорщики, потому что в оных званиях одни только дворяне должны состоять».³⁰ Однако в составе буквально каждого из гарнизонных полков Сибирской дивизии обнаруживаются люди, получившие обер-офицерские чины именно после издания данного приказа. Так, в Бийском полку в сентябре 1798 г. сделался подпоручиком 40-летний унтер-офицер Ефрем Конин, до этого за 23 года службы так и не достигший обер-офицерского ранга; в феврале 1799 г. он стал уже поручиком.³¹ Аналогичным образом был произведен в подпоручики Петропавловского полка в ноябре 1799 г. 37-летний фельдфебель Иван Кокин, служивший с 1780 г.³² В Селенгинском полку двое полковых адъютантов, Тимофей Седых и Козьма Чернавский, тоже были в 1799 г. повышены из фельдфебелей: первый сначала в подпоручики, а уже через несколько недель в поручики, второй в подпоручики.³³ А в составе Семипалатинского полка должности отворотмайоров Усть-Каменогорской и Семипалатинской крепостей (т. е. караульных офицеров, ведавших охраной крепостных ворот) занимали соответственно 44-летний Федор Литвинов (произведен подпоручиком в январе, поручиком в феврале 1799 г.) и 39-летний Панкрат Иванов (подпоручик с мая 1799 г.), ранее бывшие только унтер-офицерами.³⁴

Вероятно, для получения императорского соизволения на производство в обер-офицерские чины таких людей можно было использовать две хитрости. Во-первых, в приказе Павла говорилось о запрете представлять унтер-офицеров недворянского происхождения на вакансии прапорщиков, а все известные нам случаи повышения из унтер-офицеров в обер-офицеры солдатских детей касались чина подпоручика, но не прапорщика. Во-вторых, все эти люди уже несли службу по крайней мере полтора, а то и два десятка лет, так что обладали достаточным опытом, беспорочным стажем и необходимыми заслугами для дальнейшего чинопроизводства. Среди 18–20-летней молодежи, активно пополнявшей ряды гарнизонных частей в Сибири, как мы уже отмечали выше, доминировали дворянские отпрыски, в крайнем случае встречались обер-офицерские дети, которым теперь в соответствующей графе формулярного списка ставили пометку «из военного дворянства».

³⁰ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. 25. № 18486. С. 213.

³¹ См.: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 5162. Л. 470б., 48.

³² См.: Там же. Д. 5795. Л. 1630б., 164.

³³ См.: Там же. Д. 5895. Л. 560б., 57, 620б., 63.

³⁴ См.: Там же. Д. 5909. Л. 370б., 38, 400б., 41.

²⁷ См.: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 5162. Л. 370б., 38.

²⁸ См.: Там же. Д. 5795. Л. 1500б.–152.

²⁹ См.: Там же. Д. 6037. Л. 260б., 27.

Дворянский же контингент в рядах сибирских гарнизонных частей был представлен в значительной мере именно совсем молодыми новобранцами; более-менее возрастных офицеров-дворян, обладавших сколько-нибудь заметным служебным опытом, в каждом полку можно было пересчитать по пальцам. Благородным происхождением могли похвастать лишь семеро из числа штаб-офицеров, да еще двое представляли фамилии сибирских детей боярских, как известно, не обладавших всеми правами потомственного дворянства. Четверо из этих штаб-офицеров находились в Тобольском полку: подполковники Николай Русанович (из малороссиян) и Николай Рыбаковский (смоленский шляхтич), майоры Матвей Казин (уже упоминался выше) и Иван Мергасов.³⁵ Также к дворянству принадлежали майор Петропавловского полка Иван Струев, командир Семипалатинского полка майор Иван Волосатов и майор Томского полка Петр Мичурин.³⁶ Сибиряками были поручик того же Томского полка Василий Иконников («города Красноярска из неверстанных боярских детей») и подпоручик Бийского полка Илья Плотников.³⁷ Таким образом, несмотря на довольно высокую численность офицеров-дворян, приведенную нами выше, ясно, что вплоть до конца 1790-х гг. продолжался тот процесс «вымывания» из гарнизонных частей Сибири представителей «благородного шляхетства», который был зафиксирован нами на протяжении 1770–1780-х гг.³⁸

Этим же фактором определялся и уровень материального благосостояния сибирских гарнизонных офицеров-дворян. Из 64 чел. (без двоих сибиряков) 39 вообще не располагали крепостными крестьянами, хотя у некоторых все же имелись земельные владения, а среди 25 земле- и душевладельцев почти половина (12 чел.) принадлежали к беднейшей страте, имея 20 и менее крепостных. От 21 до 50 душ мужского пола числили за собой четверо, от 51 до 100 душ — пятеро, наконец, более 100 душ — еще четверо. Из этих 25 чел., в свою очередь, полноправными собственниками являлись только восемь, у остальных 17 владельцами имений были их отцы, иногда матери. Заметим, что все еще продолжал службу в Сибири воронежский помещик Василий Чуфа-

ровский, в конце 1760-х гг. сосланный сюда за участие в заговоре против Екатерины II с целью возведения на престол ее сына Павла — к рубежу столетий он достиг чина штабс-капитана в Томском полку, хотя в отношении него все еще продолжал действовать личный приказ покойной императрицы: «Включить с прочими наряду к произвождению, однако ж внутрь России не впускать».³⁹ Загадочным выглядит присутствие в Петропавловском полку 20-летнего прапорщика Андрея Гладкова, являвшегося, согласно приведенным в его списке данным, владельцем 120 душ в Симбирской и 130 душ в Саратовской губерниях. Причем он поступил на службу именно в 1799 г., сразу попав именно в этот гарнизонный полк.⁴⁰ Чем объясняется появление такого человека в гарнизонных войсках Сибирской дивизии, можно только гадать. Остается, правда, предположение, что он, уже в юности осиротев, вынужден был согласиться на такой вариант вступления в военную службу, чтобы избежать санкций за «тунеядство». Но достоверными сведениями о мотивах этого поступка мы не располагаем.

Из 14 чел., не принадлежавших к дворянам или потомственным военным, специально выделить практически некого. Среди них мы обнаруживаем пятерых выходцев из церковнослужителей, двоих лекарских сыновей, двоих дворовых, по одному крестьянскому и подьяческому сыну. Упомянутый выше Егор Сапожников, командовавший Селенгинским полком, был сыном сибирского казака, двое поступили в армию из «вольноопределяющихся». Одним из этих двоих был еще один полковой командир — 45-летний полковник Михаил Суховицкий командовал Томским полком. Он также был сибирским уроженцем и, по сути, всю жизнь провел в частях Сибирского корпуса, к концу екатерининского царствования дослужился до секунд-майорского ранга, при Павле продолжал получать следующие штаб-офицерские чины.⁴¹ В целом столь незначительная доля представителей непривилегированных групп населения, не связанных с военной средой, на наш взгляд, свидетельствует о том, что служба в гарнизонных войсках в конце XVIII в. уже не играла роль канала вертикальной социальной мобильности, свойственную имперской регулярной армии на протяжении большей части данного столетия.

³⁵ Там же. Д. 6037. Л. 250б.–27.

³⁶ См.: Там же. Д. 5795. Л. 1490б., 150; Д. 5909. Л. 340б., 35; Д. 6049. Л. 120б., 13.

³⁷ См.: Там же. Д. 6049. Л. 160б., 17; Д. 5162. Л. 500б., 51.

³⁸ См.: Дмитриев А. В. Русская регулярная армия... С. 221, 227.

³⁹ Там же. С. 227; РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 6049. Л. 140б., 15.

⁴⁰ См.: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 5795. Л. 1640б., 165.

⁴¹ См.: Там же. Д. 6049. Л. 100б., 11.

Офицеры же этнически нерусского происхождения были представлены лишь несколькими польскими шляхтичами и немцами, как «остзейцами» (т. е. уроженцами Прибалтики), так и выходцами из Европы. Часто приписываемая императору Павлу любовь к иностранцам, особенно прусским выходцам, и стремление ставить их на командные должности в армии, как видим, до гарнизонных частей Сибирской дивизии добраться не успели. Более того, некоторые из этих лиц, идентифицировавшие себя по происхождению поляками и немцами, фактически принадлежали к автохтонным семействам, поскольку представляли уже второе поколение живущих в Сибири. Так, подполковник Тобольского полка Иван (Ян) Гебауэр родился здесь, когда его отец Орест Гебауэр служил в полевых полках Сибирского корпуса в середине XVIII в.⁴² Видимо, как раз по этой причине он писал о себе, что он «из дворян полской нации греческого закона», то есть был православным, а не католиком. А в Петропавловском полку лишь недавно начали службу Александр и Николай Фишеры (поручик и подпоручик соответственно) — сыновья бывшего командира одноименного батальона в 1770-х гг. секунд-майора Михаила (Михаэля) Фишера, лифляндского дворянина, также принявшего православие при поступлении на службу в русскую армию.⁴³ Поэтому не будет преувеличением заключить, что к рубежу XVIII–XIX столетий офицеров-иностранцев в гарнизонных частях Сибири фактически не осталось.

Каким же образом, исходя из всех проанализированных данных, можно оценить положение гарнизонных войск русской армии на территории Сибири в результате павловских преобразований? Нам представляется, что здесь имели место две разнонаправленные тенденции. Несомненно, одной из целей военных реформ императора Павла являлось превращение гарнизонных подразделений в полноценные части имперской регулярной армии. Об этом свидетельствуют как переход в организационном отношении от батальонной структуры к полковой, так и кадровая политика верховной власти, нацеленная на пополнение этих войск

молодыми офицерами. Конечным результатом, очевидно, по мысли монарха, должны были стать унификация гарнизонных и полевых полков в структуре регулярной армии, повышение служебного статуса и боеспособности гарнизонных частей. Упомянутое нами объединение в 1800 г. одно- и двухбатальонных подразделений в четырех-батальонные полки также вполне укладывается в эту тенденцию.

Однако в сибирских условиях достижение этой цели вряд ли оказывалось возможным. Павлом I совершенно не учитывалась специфика ситуации на территориях к востоку от Урала, где к концу XVIII в. армейские подразделения, особенно гарнизонные, фактически утратили значение боевой силы, оказавшись встроеными в административные и социальные структуры как инструмент контроля и элемент социума соответственно. Более того, в Сибири, где, в отличие от Европейской России, среди населения почти не было дворянства (тем более владельцев земель и крепостных), в последней четверти XVIII в. превращенного Екатериной II в главную опору государственной власти на местном уровне, аналогичную роль могли играть только контингенты регулярной армии, другого варианта просто не существовало. В этом смысле кадровый состав офицерского корпуса гарнизонных частей как раз вполне соответствовал социальной структуре сибирского населения, уже в значительной мере обеспечивая «самовоспроизводство» военнотружущих непривилегированного происхождения, крепко связанных с той средой, в которой они родились и выросли.

Попытка императора массово «разбавить» сибирские гарнизонные войска молодыми дворянами означала лишь внедрение в эту среду совершенно инородного для нее элемента. Да и кратковременность павловских армейских преобразований, с 1801 г. фактически сведенных на нет его преемником Александром I, также не позволила достичь сколько-нибудь заметного эффекта на «восточной окраине» империи. В этом смысле было бы небезынтересно сопоставить изученные нами данные с картиной, сложившейся к середине 1810-х гг., перед тем как в 1816 г. гарнизонные контингенты в Сибири были превращены в подразделения корпуса внутренней стражи, уже не входившие в структуру регулярной армии, а являвшиеся полицейскими формированиями, подчиненными министерству внутренних дел. Но пока эта задача остается перспективой для дальнейших исследований.

⁴² См.: Там же. Д. 6037. Л. 240б., 25. Орест Гебауэр еще во второй половине 1780-х гг. с чином премьер-майора занимал должность коменданта в Тюмени, см.: Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1786. СПб., 1786. С. 323; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1787. СПб., 1787. С. 334; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1788. СПб., 1788. С. 314.

⁴³ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 5795. Л. 1600б., 161, 1620б., 163.

Andrei V. Dmitriev

Doctor of Historical Sciences, Novosibirsk State University (Russia, Novosibirsk)

E-mail: khaldeus@academ.orgGARRISON REGIMENTS OF THE SIBERIAN DIVISION AT THE TURN
OF THE 18TH–19TH CENTURIES

The paper is devoted to the question of the place and role of the Russian army's garrison troops in the process of carrying out military reforms of Emperor Paul I. Based on the materials of the Siberian Division's garrison units, in particular, data on the personnel of their officer corps, the main components of Paul's army reforms aimed at turning garrison troops into full-fledged combat forces have been identified. The sharp rejuvenation of officer personnel and the replenishment of the Siberian garrison regiments by persons transferred here from European Russia were supposed to unify the position of the Siberian Division units with other units of the Russian army at the turn of the 18th–19th centuries. Hereditary military men dominated among the garrison officers, and many of them received promotion to chief officer ranks just during the reign of Paul I, despite the formal prohibition of such promotion for persons of non-noble origin. Russian nobles were represented almost exclusively by young recruits, while there were practically no officers of ethnically non-Russian origin in these units. It is concluded that the supreme power did not take into account the specifics of the position of the garrison troops in Siberia during the 18th century, and the transformations of Paul I have not actually brought any significant results, since they were canceled by his successor Alexander I immediately after the latter came to power.

Keywords: *Paul I, Russian army, garrison regiments, officer corps, Siberia, end of the 18th century*

REFERENCES

- Beskrovny L. G. *Russkaya armiya i flot v XVIII v. (Ocherki)* [Russian Army and Navy in the 18th Century (Essays)]. Moscow: Voenizdat Publ., 1958. (in Russ.).
- Beskrovny L. G. *Russkaya armiya i flot v XIX v. Voenno-ekonomicheskii potentsial Rossii* [The Russian Army and Navy in the 19th Century. Russia's Military and Economic Potential]. Moscow: Nauka Publ., 1973. (in Russ.).
- Dmitriev A. V. *Russkaya regulyarnaya armiya v Sibiri (1725–1796): osobennosti voyennoy sluzhby na "vostochnoy okraine" Rossiyskoy imperii v XVIII stoletii* [Russian Regular Army in Siberia (1725–1796): The Features of Military Service on the "Eastern Outskirts" of the Russian Empire in the 18th Century]. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2017. (in Russ.).
- Dmitriev A. V. [Personnel of the Officer Corps in Siberian Division's Field Regiments at the End of the 18th Century]. *Ural'skij istoriceskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2023, no. 1 (78), pp. 158–166. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-1(78)-158-166 (in Russ.).
- Kovalev K. S. [Assessment of Military Reforms of Paul I in the Memoirs and Historical Works]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Bulletin of Tver State University. Series: History], 2016, no. 3, pp. 85–91. (in Russ.).
- Leonov O. G., Ulyanov I. E. *Russkaya pekhota, 1698–1801: Boyevaya letopi', organizatsiya, obmundirovaniye, voozuzheniye, snaryazheniye* [Russian Infantry, 1698–1801: Military Chronicle, Organization, Uniforms, Weapons, Equipment]. Moscow: AST Publ., 1995. (in Russ.).
- Popov S. A. *Armeyskaya i garnizonnaya pekhota Aleksandra Pervogo. Polkovyye uniformy* [Army and Garrison Infantry of Alexander the First. Regimental Uniforms]. Moscow: Fond "Russkie Vityazi" Publ., 2010. (in Russ.).
- Ulyanov I. E. *Regulyarnaya pekhota: 1801–1855* [Regular Infantry: 1801–1855]. Moscow: AST Publ., 1996. (in Russ.).
- Yurkevich E. I. *Voyennyy Peterburg epokhi Pavla I* [Military Petersburg in the Era of Paul I]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2007. (in Russ.).

Для цитирования: Дмитриев А. В. Гарнизонные полки Сибирской дивизии на рубеже XVIII–XIX в. // Уральский исторический вестник. 2024. № 3 (84). С. 171–179. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-3(84)-171-179.

For citation: Dmitriev A. V. Garrison Regiments of the Siberian Division at the Turn of the 18th–19th Centuries // Ural Historical Journal, 2024, no. 3 (84), pp. 171–179. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-3(84)-171-179.